

КАТЕРИНА САБИК

**МЕМОРИАЛЬНЫЕ
БРИЛЛИАНТЫ**

18+

Катерина Сабик

Мемориальные Бриллианты

«Автор»

2026

Сабик К.

Мемориальные Бриллианты / К. Сабик — «Автор», 2026

Повесть в жанре магического реализма рассказывает об Агнии Николаевне, которой приходится исполнять последнюю волю покойной матери — волю, которую в приличном обществе стыдно даже озвучить. Глубоко верующая при жизни старушка завещала кремировать себя вопреки православному канону и вырастить из праха два бриллианта. Оставшись наедине с тяжелым решением, Агния невольно втягивается в незримую мистическую вражду. Всё из-за того, что незадолго до смерти её мать, гадая на кофейной гуще соседке, случайно озвучила тайну, которую ни в коем случае нельзя было говорить потомственной ведьме.

© Сабик К., 2026

© Автор, 2026

Катерина Сабик

Мемориальные Бриллианты

Все персонажи и события являются вымышленными. Любое совпадение с реальными людьми или событиями случайно.

ГЛАВА №1

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ

Мама ушла по-английски — не прощаясь, тихо во сне. Агния Николаевна сидела возле тела усопшей и тоскливо рассуждала, что именно с этого момента она уже никогда не будет «доченькой». Теперь она самая старшая в семье, обвешанная регалиями «мамы», «свекрови», «тёщи» и четырежды — «бабушка». Но больше не доченька. Слёз не было. Надрыва тоже.

Мама отпраздновала свой 88-й юбилей и почил в бозе. Для их женской линии это неприлично короткий срок: бабуля прожила до 95, а прабабушка — до 92. Странно, какие разношёрстные мысли приходят в голову, когда по всем существующим традициям она должна скорбеть.

Скорбеть не получалось. Дочь вспомнила, что мама при жизни постоянно твердила: «Если что... деньги на похороны в шкатулке из-под пуговиц. Ты же помнишь, меня не вскрывать! Нотариально заверенный документ лежит уже более пяти лет».

Женщина, оживившись, кинулась на поиски. Как бы это ни выглядело меркантильно со стороны, она искала шкатулку с деньгами, и ей не было стыдно. Её личная подушка безопасности так и не была заведена, а брат сам недавно перенёс инсульт, и все их накопления ушли на лекарства. А у детей брать стыдно.

К счастью, пухлый конверт с купюрами под насыпью разноцветных пуговиц мгновенно закрыл базовую тревогу.

«Мамочка, ну какая же ты молодец, — пересчитывая деньги, не переставала хвалить усопшую дочь. — Спасибо тебе большое, не дала мне в кредит влезть».

Денег оказалось более чем предостаточно. «А зачем так много? — подумала Агния. — Особых пожеланий по проведению похорон мама никогда не озвучивала. Ну, если только выбить на надгробной плите кофейную пару со струящимся дымком...»

Там же нашла ещё один лист формата А4, датированный октябрём текущего года. Размашистым почерком матери была прописана её последняя воля, от которой у Агнии глаза полезли на лоб. Она простонала, понимая, какой геморрой подкинула старушка напоследок.

Надежда Григорьевна при жизни была женщиной неординарной и слегка эпатажной, но новые требования показали её размах и выходили за любые рамки, а главное — противоречили друг другу. Ставшая к старости глубоко верующим человеком, не пропускавшая ни одного церковного праздника, она собственноручно потребовала кремации. Для православия это было нарушением канона «земля к земле». Но то, что она дописала ниже, и вовсе не поддавалось логике среднестатистического человека: кремировать тело, а из части праха вырастить два драгоценных камня, сыну и дочери в подарок. Остатки — развеять на родине.

Агния взвесила в руке пухлый конверт — теперь стало понятно, к чему прилагалась столь щедрая сумма. Это была плата за штурм православных канонов. Перед дочерью встала дикая задача: как не дать вскрыть маму, отпеть её в храме по всем правилам, а затем умудриться сжечь в крематории и пустить часть останков на ювелирные караты. Самым лёгким казалось развеять прах на родине, это всего в 180 километрах.

Так или иначе, она набрала номер брата и, не дожидаясь приветствия, выдохнула:

— Братка, мама умерла...

А вот после озвучивания этого факта сразу стало мутно, больно, и глаза наполнились слезами. Теперь и он уже не будет любимым сыночкой... Мамы нет...

— Я передам Саше, — деловой голос невестки сразу подсушил наворачнувшиеся слёзы. — Ты скорую вызвала? А полицию?

В этот самый момент Агния как никогда была солидарна с матерью в ненависти к невестке. Она отслеживала, как боль по ушедшему родному человеку сменяется безмерной злобой к ныне живущей родственнице.

— Вот вы приедете, и мы всё сделаем, — процедила в ответ и сбросила вызов.

«Как. Как? Одной только интонацией можно так выбесить человека? И ведь с возрастом этот гонор у неё только усиливается», — рассуждала Агния, яростно тыкая в кнопки 112.

«Вызов принят, информация передана в скорую помощь и полицию. Ожидайте бригаду и участкового. Тело до приезда служб не трогать, вещи не переставлять. Приготовьте паспорт умершей, ваш паспорт и медицинские документы, если есть».

Агния слушала эту информацию рассеянно, полностью погружившись в доругивание с родственницей. На этой «благодатной почве» всплыли былые обиды и претензии.

По молодости брателла любил доставать маму рассказами о своей драгоценной Диане Юрьевне: «И вкус у неё отличный», «и в советах она не нуждается», «и огурчики закатывает один к одному, стандарт», «шьёт, вяжет, слова не скажет»... Однако очевидные таланты жены не мешали ему периодически учить её уму-разуму, особенно по пьянке.

К старости они оба озаботились народными методами исцеления. Братка закидывался куркумой и чесноком, а его благоверная напивалась отварами трав, собранных на собственном участке.

«Я боюсь остаться одна, без Саши», — вроде бы это звучало заботливо, но Агнии всегда казалось, что у этой фразы есть недосказанное продолжение: «...потому что мне не над кем будет измываться». Хотя и Саша платил ей той же монетой. За совместную жизнь Дианочка перенесла несколько операций по женской части и теперь с маниакальным упорством заботилась об их общем здоровье. «С кем поведёшься, так тебе и надо», — со злорадством пронеслось в мыслях.

Теперь Агнии придётся не только самой заниматься похоронами, но ещё и отчитываться перед контролирующим органом в лице Дианочки.

— Чёрт бы её побрал! — зло выругалась Агния и опасно посмотрела в сторону матери. — Извини, мам, выбесила твоя невестка.

Показалось, что покойная понимающе улыбнулась.

Суеверный страх неприятно щекотнул солнечное сплетение, и женщина вспомнила, что не закрыла зеркала. Кинувшись к шифоньеру за свежими простынями, она судорожно спрятала подальше конверт с деньгами и мамину «наипоследнейшую волю».

«А не поздно ли я спохватилась с завешиванием?»

ГЛАВА №2

МУСКАТНЫЙ КОФЕ

Дверной звонок застал её на стуле, когда она расправляла простыню над большим зеркалом возле входа.

— Заходите, открыто! — крикнула Агния и осеклась от громкости своего голоса. В данной ситуации это показалось неприличным.

— Григорьевна, я в магазин, вам молока купить? — на пороге появилась соседка, вездесущая бабулька, назначенная жильцами старшей по дому. Мама на дух её не переваривала, считая злобной сплетницей.

— А, Агния, я хотела... — женщина осеклась оценив обстановку, и тут же речитативом запричитала: — Да как же это? Да когда же это? Она в одиночестве умерла?.. Ай-яй-яй...

Агния начинала закипать от мысли, что сейчас квартира превратится в проходной двор и ей придётся с учтивым выражением лица объясняться не только с участковым, но и с соседями.

— Да как же это так? — нудила вошедшая, незаметно продвигаясь в комнату, где лежала покойница.

— Туда нельзя, — загородила вход дочь.

— Ах, да... Я совсем не соображаю, что делаю. Ты не обижайся на старуху, — и бабулька принялась поглаживать Агнию по плечу. — Ты держись.

— Вы бы шли, Зинаида Давыдовна, — отстранилась Агния. — Я не совсем понимаю, что делать. Сейчас полиция приедет, нельзя, чтобы посторонние...

— Ну да, ну да. А хочешь, я останусь, помогу? Смотрю, ты зеркала завесила — умница. А ещё нужно свечу зажечь и хлеб с водой поставить...

— Зинаида Давыдовна, идите, — уже более настойчиво произнесла Агния.

— Ой, пойду. Не буду тебе мешать. Дай водички, а то что-то я распереживалась, — и старуха театрально возложила руку на грудь.

Дочь демонстративно закрыла дверь в комнату матери и предложила пройти на кухню.

— Да я вот здесь, в коридоре постою, топтать не хочется.

— Вам из чайника подойдёт? — на ходу спросила женщина.

— Да хоть и из-под крана.

Пока хозяйка возилась на кухне, машинально ополаскивая чистый стакан, материнский голос в голове строго её отчитывал: «Я же говорила — не пускай её в дом. Водички ей захотелось. Ведьма».

На слове «ведьма» Агнию прошиб холодный пот, и она, не понимая почему, быстро вернулась в прихожую.

«Не вздумай стакан в руки давать!» — менторствовал в голове материнский голос.

Старушка в этот момент как раз отпустила конец простыни на завешанном зеркале и, легонечко оглаживая край ткани, потянулась за стаканом.

Агния резко поставила воду на обувницу и уставилась не мигая на посетительницу. Сколько бы длилась эта игра в гляделки — неизвестно, но в незапертых дверях появился мужчина.

— Здравствуйте, паспорта сразу приготовьте, — буднично проговорил участковый.

— Я соседка. Я уйду! — засуетилась Зинаида Давыдовна.

Агния смотрела вслед уходящей старухе, судорожно вспоминая, где лежат документы. Они остались у неё дома — и свои, и мамины. Здесь хранились только квитанции на оплату. Остальные бумаги с собой не возили: боялись мошенников, чужих людей и саму маму, которая всё чаще и чаще забывалась.

Галантным жестом указав участковому на дверь в спальню, Агния набрала номер старшей дочери.

— Дочунь, бабуля умерла...

— Поняла, сейчас приеду, — без лишних вопросов отреагировала дочь. — Ты как?

— Нормально. Участковый уже приехал. Все бабулины документы вези сюда. Да и наши тоже, особенно паспорта и свидетельства о рождении — вдруг родство придётся доказывать.

— Держись, скоро буду.

— Сейчас дочь привезёт документы, — Агния убрала телефон. — Кофе хотите?

Молодой помятый полицейский вздохнул, понимая, что вызов приобретает отягощающие обстоятельства в виде ожидания, и устало кивнул.

— Только я вам нормальный, из натуральных зёрен сварю. Пьёте?

— Угу.

«Ещё бы! — мамин голос ёрничал в мыслях. — Он такого кофе, как у меня, в жизни не пробовал. Пьют сутками свои растворимые помои. Ты сахара три кусочка добавь и кружку возьми папину, на столовую ложку кофе».

Агния ставила электрический чайник, доставала молотый кофе, сахар и улыбалась. Как же прочно въелись в голову мамини поучения. Её нет, а голос всё командует. Хмыкнула вслух и торопливо оглянулась на мужчину: хоть бы не услышал! Объясняй потом, почему мать умерла, а она ходит и улыбается.

— Сыпни щепотку мускатного ореха, а то его с повышением опять прокатят. Вроде неплохой парень, — повествовал мамин голос.

И только тогда, когда Агния встряхнула нежную мускатную пыль в свежесваренный кофе, она осознала, что мама как будто бы рядом, на этой кухне. Дочь держала в руках дымящуюся чашку и невидящим взглядом смотрела на участкового. Лучше бы она улыбалась.

— Вы что-то употребляли сегодня? — Он забрал чашку из её рук, осторожно отхлебнул маленький глоток и внимательно взгляделся в зрачки хозяйки.

Она перевела взгляд на звук, который лился из его рта, и ничего не ответила.

— Женщина. С вами всё нормально?

За полвека своей жизни врать она так и не научилась. «Если врёшь, то ври быстро», — часто повторяла ей мать, но быстро Агния могла сказать только правду.

— Не знаю. Мама говорит, что вас прокатят с повышением.

Теперь он стоял ошарашенный и разглядывал её в упор.

— В смысле?..

— В коромысле. Вот тебе уже больше тридцати, а ты всё в старлеях ходишь, — Агния выпалила это со слов матери и даже не успела опомниться. — Это не я, это мама сказала. Она гадала на кофе, а сейчас, видно, напрямую выдаёт.

Старлей опасно разглядывал чашку.

— Да вы пейте-пейте, — постаралась она успокоить представителя закона. — Мама в чём-то ошиблась?

— Нет, — усаживаясь на табуретку, задумчиво проговорил участковый. — Но возраст можно и так определить. То, что я старлей, по погоням видно, а то, что с повышением, можно логически предположить. Так?

— Так, — согласилась Агния и замолчала.

«Вот не люблю, когда приходят погадать и не верят! — мамин голос в мыслях так и брызгал ядом. — Раз я говорю, что это из-за Витьки-Рыжего, значит, так и есть. Тебе ещё мать твоя говорила, что он подлючий, а ты всё: „Друг, друг!“. Так твой „друг“ уже давно в капитанах и перевёлся на хорошую должность. А ты как встречаешься с ним в каждый его приезд, так и не понимаешь, что он у тебя удачу крадёт!»

Агния транслировала всё слово в слово. Участковый съёживался на табуретке, поражаясь каждой услышанной фразе.

— Мам, — уже вслух обратилась Агния к пустоте, пока парень при исполнении переваривал полученную информацию. — Ты в курсе, что ты умерла?

— Я?.. — в голове повисла долгая, звенящая пауза. И следом, растерянно, совсем другим, тихим тоном: — Да как же так-то...

Мам, ты меня слышишь? Мам, давай без кремации? — продолжала она вслух, игнорируя ошалевшего полицейского. — Давай по-человечески похороним, и всё. Мааам?

— Я лучше с ваших слов начну бланки заполнять, — испуганно прервал её участковый, судорожно открывая папку. — А... откуда она про мою маму знает?

— Понятия не имею, — пожав плечами, ответила женщина и добавила: — Ты бы мать свою чаще навещал, а то вообще от рук отбился. Когда в последний раз у неё был?

Это был чистейший экспромт от себя. Её собственный сын, занятый семьёй и работой, показывался ровно три раза в год: на День матери, день рождения и Новый год. А так как почти все эти праздники приходились на конец года, свою кровиночку она не видела месяцами. Хотя нет, было ещё Восьмое марта — но и тогда толком поговорить не удавалось. Конечно, она и сама могла поехать к ним, чтобы пообщаться с внуками, но каждый приезд оставлял шлейф непонимания с невесткой, и отношения заходили в глубокий тупик.

— Я обязательно её навещу. Сегодня же... И... и буду навещать, — старлей шумно сглотнул. — А у вас так всегда?

— Вообще никогда.

—

А мне что теперь делать?

—

Допивайте кофе. Мама сказала, что это на удачу. И не пейте больше с этим Рыжим. Или рискните и посмотрите, что будет. А вот и бригада подъехала.

Шумно распахнулась входная дверь. В прихожую зашли медики, а за ними, к счастью, шла Стефания — её старшая дочь.

ГЛАВА №3

СОСЕДКИ-ЧАРОДЕЙКИ

После бюрократических побегушек по оформлению усопшей, устало волоча ноги, Агния подходила к маминому подъезду. Вечером соберётся базовый костяк родных, и никому из них даже в самом кошмарном сне не могло присниться, что завещала им мама...

— Агния Николаевна! — окликнул её мужской голос.

Она обернулась. Быстрым шагом к ней подходил участковый.

— Здравствуйте. Я понимаю, что очень не вовремя, но... Звонил Витька-Рыжий...

Женщина молчала, силясь вспомнить, как соотносятся её похороны со звонком Витьки-Рыжего.

— Мой друг... Помните, вы утром сказали: «Не пей с Витькой-Рыжим»? Так вон он позвонил почти сразу, как я с дежурства приехал домой. Звал посидеть.

— Товарищ старший лейтенант, — официально обратилась она к участковому, — поймите, я п— Ну так сбылось же... Но позвонил... Сказал, что проблемы, нужно поговорить.

Понимая, что от неё так просто не отстанут, Агния попросила:

— Перескажите мне по возможности слово в слово, что я вам тогда сказала.

— А вы что, не помните?..

— Нет же! Я сработала как передатчик. И потом, вы же видели, при каких обстоятельствах мы встретились? Между прочим, у меня мама умерла. онятия не имею, что тогда вам сказала. Это мама была любительницей предсказывать. Она гадала на кофе, у неё это получалось. Мне не передалось.

Последнюю фразу он проигнорировал как несущественную и подробно пересказал утреннее пророчество. Агния слушала и понимала, насколько же мы, люди, зависимы от таких посланий «высших сил», несмотря ни на свой возраст, ни на образование.

— Хорошо. С этого времени пьёте только натуральный кофе с мускатным орехом. Сорт — арабика, помол мелкий, одна чайная ложка на двести граммов кипятка, плюс три кусочка сахара и буквально щепоть мускатного ореха сверху. Варим в турке до поднятия пены. Повторите.

Агния директорским голосом, не терпящим возражений, давала чёткие указания, так как здесь срабатывали несколько факторов. Он был мужчиной, а этим ребятам всегда нужна иерархия. К тому же мужчиной-служащим — здесь требовалась жёсткая структура, без дополнительных вводных по типу «две или три ложки сахара или по вкусу». И последний, самый жёсткий фактор: люди, которые попадают к чародеям и гадалкам, потом боятся сделать лишний шаг, чтобы не ошибиться, и бесконечно дёргают своих «советчиков», впадая в созависимость.

— Если нет возможности варить кофе, берёте с собой в термосе. Угощать сослуживцев можно, но лучше не надо, иначе замучаетесь варить на весь отдел. Лучше пейте дома утром, а на службе — чай или что вы там ещё пьёте.

— Понял. А как быть с моим братаном Витькой-Рыжим? Отказать неудобно.

— Братаном? Он ваш брат?

— Нет, не брат, не родственник. Просто мы с ним с детства. Даже в детстве братались как-то на крови...

— Странно. В вашем поколении миллениалов этот пережиток уже должен быть изжит, — удивлённо отметила женщина.

— Нет, что вы! Он постоянно у нас ошивался. Батя у него пил, мать с ним разошлась и одна воспитывала пацана, а сюда он к бабке на лето приезжал. Вот его бабушка и рассказала, как в её молодости ребята братались на крови...

— Что скажешь, продуманная бабушка твоему Витьке досталась, — Агния сама удивилась безапелляционному тону, которым произнесла эту фразу. — Твой «друг» появляется тогда, когда у него начинаются проблемы. Вы сидите, выпиваете, он изливает тебе душу, ты сочувствуешь, но он никогда не спрашивает про твои дела. Вернее, спрашивает, но тема в итоге переходит на него любимого, так?

Не-ет... Не знаю, — растерянно пробормотал парень.

— Я знаю. — уверенно произнесла женщина.

— Так что делать-то?

— Откажись! Откажись от встречи любым способом. Ври что хочешь. Скорее всего, он не отстанет, но ты хотя бы успеешь должность получить. Извините, товарищ старший лейтенант, мне пора. День начался очень тяжело. Да вы в курсе.

— Да-да, простите, я понимаю. Меня Юрий зовут, вот моя визитка, если что нужно — обращайтесь.

— Спасибо, — вежливо улыбнулась женщина, — но лучше бы ничего не было нужно. Хотя, как говорят, «на веку, как на долгой ниве — всякое бывает».

Переступив порог маминой квартиры, она рухнула на банкетку и резкими взмахами ног отшвырнула туфли в разные стороны. Так она разувалась в детстве, приходя уставшая после школы.

Прислонившись спиной к стене, она искала в себе силы встать и навести порядок. Дому нужна была уборка — пусть не генеральная, а поверхностная — визуальная. Хотя бы убрать с глаз долой ворох таблеток на тумбочке, стопку старых кроссвордов, мелко разорванную вязаную жилетку, немытую посуду и прочие следы угасшей жизни. А ещё по возможности выветрить этот въедливый запах старости.

Общение с участковым слегка сбило накал раздражения, которое она испытывала от контактов с богоподобными врачами местной поликлиники, но сил не прибавилось. Медицинские учреждения она ненавидела всем существом. После любой встречи с небожителями медицины уровень кортизола в крови зашкаливал, вызывая к самым тёмным уголкам души. Очень хотелось предать анафеме весь больничный персонал, начиная от регистратуры и дальше по восходящей, и ещё санитарок и лифтеров.

Точно так же вышло и в этот раз. Участковый терапевт — её ровесник с дряблым лицом и недельной небритостью, всегда милый и заискивающий на домашних вызовах, — на своей территории превращался в потрёпанного альфа-самца, управлявшего вотчиной и раздававшего команды заслуженным ртом. К главврачу пришлось отсидеть очередь, чтобы получить родное, советское: «Вам чего?».

Вневозрастной мужчина с французской худобой и внешностью молодого Мефистофеля уверенным, поставленным голосом и грамотной речью расписывал нюансы предстоящего погребения. Всё чётко по пунктам без лишней лирики.

Сил подняться и начать уборку не было. Агния замерла, прислушиваясь к себе. Было тоскливо. С уходом хозяйки квартира казалась бесконечно пустой и обездоленной.

«Все мы когда-то уйдём, — философски рассуждала женщина, растирая затёкшие ноги. — Наверное, это страшно — вот так вдруг осознать, что умерла. Проснуться и не иметь возможности вернуться в своё тело. Пусть старое, пусть больное, но своё. Незнестность пугает больше всего. Кто знает, что там?..»

— Мам, — обратилась она в пустоту, — ты не бойся. Я где-то читала, что твоя душа будет с нами сорок дней.

Фраза «где-то читала» была маминой фишкой, именно с неё всегда начинался какой-нибудь невероятный рассказ. Воспоминание вызвало улыбку.

— Ты молодец, прожила замечательную жизнь, воспитала детей, внуков. Тебе бояться нечего. Тем более там ты, скорее всего, молодая и ничего у тебя не болит...

Агния вдохновенно рассуждала в пустой квартире о вероятных плюсах загробной жизни, подбадривая невидимую душу покойной матери. Со стороны это казалось странным. А ещё более странное произошло позже, когда она вдруг запела. Звук её классического сопрано разнёсся по пустым комнатам:

— Во ку, во ку-у-у-знице... Во ку, во ку-у-у-знице... Во кузнице молодые кузнецы, во кузнице молодые кузнецы... Помнишь, как мы с тобою пели?

Что было парадоксальным — её мама петь не умела. Вернее, она начинала, но не вытягивала ноты и принималась вдохновенно командовать: «Подхватываем! Не стесняемся!».

От воспоминаний и песни стало чуть легче. Агния поднялась и вздохнула:

— Мам, я бы ещё посидела с тобой, и песни бы попели, но, сама понимаешь, сейчас это непозволительная роскошь. Съедутся родичи, будем объяснять твой перформанс с алмазами...

В дверь позвонили. Агния поморщилась и закатила глаза: «Как же вы мне надоели», — но пошла открывать.

На пороге стояла Марьяна Ивановна — главная соратница и по совместительству мамина конкурентка по интерьерным изыскам.

— Агнюша, всё в порядке? А то слышу — поёшь? Прости, ради бога, понимаю — не вовремя, но мне мои сказали срочно тебе передать. А с ними, как понимаешь, шутки плохи.

«Своими» Марьяна Ивановна называла духов, с которыми общалась с помощью спиритических сеансов. И в этом была главная конкуренция между мамой — гадалкой на кофейной гуще — и Марьяной Ивановной-спиритом. Бабульки всерьёз рассуждали, чья информация достовернее, ну или по крайней мере быстрее сбывается. Ивановна проигрывала во времени, потому что духи любили метафоры и аллегории, растянутые в пространстве. Иногда, впрочем, говорили прямо. Её женатому сыну предсказали, что у него будет вторая жена «Белая». Вот

и поджидала она ещё одну невестку-блондинку. Так и получилось: вновь прибывшая действительно оказалась блондинкой, но с фамилией Белая от первого мужа.

И вот теперь — прямое послание, причём с угрозой болезни за отказ передать. По рассказам соседки, как-то раз она решила проявить своеволие и не заморачиваться с доставкой сообщения от духов, но после того, как за день прикусила язык раз десять, решила больше так не поступать — урок был выучен.

— Проходите, — устало предложила Агния.

— Нет, я быстро. Тем более сейчас сюда начнут «слетаться гуси, так что фениксу некуда будет присесть».

—

Это вы уже начали передавать послание?

—

Марьяна Ивановна часто говорила витиеватыми фразами, как говорится, ни к селу ни к городу. Только спустя время становилось ясно, о чём шла речь.

— Нет, это я от себя. Послание я записала: «Жди дракона без туловища. Сделай его целым».

Агнии представился дракон, голова и хвост которого были разбросаны, а тело отсутствовало. От боли и безысходности из его громадных змееподобных глаз катились слёзы. Зрелище не для слабонервных. Картина даже в мыслях была душераздирающей.

— И всё?

— Всё.

— А что это значит?

— Агнюша, девочка моя, я же понятия не имею, — запричитала старушка, отдавая записку. — Пошла я, пошла.

— А что насчёт гусей и феникса?

— Так это я от себя. Не заморачивайся.

Закрыв за старушкой дверь и перечитав полученную записку, женщина, сложив губы трубочкой, размышляла, что вообще это значит. Картинка плачущего дракона-калеки опять красочно возникла перед глазами, но её тут же сменило другое воспоминание. Как в детстве мама говорила: «Подведёшь ты меня, Агния, срать под монастырь». Тогда девочка представляла, как берёт маму за руку и ведёт к белоснежным стенам монастыря, стоящего на зелёном холме посреди синего безоблачного неба.

ГЛАВА №4

МОМЕНТ X

К вечеру базовый состав родни, приближённый к покойной, собрался в гостиную. Брат с женой, племянник с супругой, две дочери и сын Агнии — его собственная жена осталась дома заниматься детьми. Да и отношения между свекровью и невесткой были традиционно натянутыми. Как будто тёрки женщин передавались в их роду по наследству. Как бы Агния ни старалась быть хорошей, жена сына всегда находила повод посплетничать о ней с подружками. Так что спустя некоторое время Агния пустила всё на самотёк и перестала появляться у молодых. Разумеется, её опять осудили: «Живёт для себя. Помощи никакой...»

— А Родиону кто-то сообщил? — переключила поток мыслей в новое русло Агния.

Все переглянулись. Родион — второй сын брата, племянник Агнии, — считался в семье отрезанным ломтем из-за пристрастия к алкоголю и неявки на семейные сборища в течение последних двадцати лет. Похороны его деда, мужа усопшей, прошли без него. Никто не стремился к общению с маргиналом, поэтому сообщать о смерти бабки тоже не собирались.

— Нет. Он не приедет, — ответила жена брата, как всегда, находясь в маятниковом режиме.

«Что за дурацкая манера раскачиваться», — отметила про себя Агния, но вслух проговорила:

— Не будем додумывать за человека, нужно просто ему сообщить.

— Даже если мы ему скажем, он не успеет. Тем более у него, как всегда, не будет денег на дорогу. И у нас лишних нет, — тоном последней инстанции выдавила родительница Родиона, всё так же слегка покачиваясь.

Вступился в разговор его старший брат, поддерживая мать:

— Да зачем его звать? Весь пропитый, может, уже сширился.

— Ладно, потом об этом, — согласилась Агния и перешла к главной теме семейного совета — кремации матери.

Первым взлетел визгливый возглас жены брата:

— Что?! Кремация?! За какие деньги? Мы сами еле концы с концами сводим!

Потом уже загалдели все сразу:

— Так мы же насчёт кладбища уже договорились. Ближайший крематорий в ста пятидесяти километрах. Там, наверное, запись. Да кому это в голову вообще пришло? И сколько это стоит? Как вообще это сделать? Это что, автобус заказывать, чтобы туда всех отвезти? Это дополнительные расходы...

И опять: «бла-бла-бла», «га-га-га».

— Деньги есть! Мама оставила, — оборвала их Агния. — Теперь нужно привести волю в исполнение.

— Кремация — от пятнадцати до тридцати пяти тысяч, плюс холодильник, плюс транспортная, плюс урна, — отчеканила Стефания, зачитывая информацию из интернета.

— Делайте как считаете нужным, но мне непонятно: она же была такой верующей в последнее время, — раздражаясь праведным гневом, закипала жена брата. — А тут — кремация? Вы вообще в курсе, что это не приветствуется православием?

— Ну, насколько я помню, вы тоже планировали свой уход через сожжение, — парировала Агния.

— Но не тогда, когда в стране такое и мизерные пенсии! — сокрушалась Дианка.

Мизерные пенсии в стране — это притча во языцах, но почему-то именно у этих пенсионеров мошенники выуживают крупные суммы. А то что в стране такое — так в ней перманентно такое, в любом периоде есть свои проблемы.

Так или иначе, наступил момент икс, когда Агнии нужно было озвучить вторую часть маминого завещания про алмазы. Она оттягивала этот миг всеми силами, понимая, что сейчас начнётся светопреставление.

Это не всё... — спокойно произнесла Агния и встала, чтобы достать конверт с деньгами и рукописную волю матери. — Мама попросила, чтобы из праха сделали два бриллианта. Мне и Саше.

— Что?! Бриллианты?! Да она что, совсем с ума сошла? Нам не надо, нам на лекарства не хватает! — уже кричала жена брата. — Деньги лишние — отдайте нам! Мы не собираемся участвовать в этом идиотизме.

Брат молчал, играя желваками.

И тут прорвало молодняк:

— Да что за бред! Она же была больным человеком! Мало ли что она захотела! Вы вообще в курсе цен?! Такие деньги — ради чего?! — опять вопила Дианка.

Агния стояла и наблюдала за возмущёнными людьми, и они действительно напоминали стаю гусей. Все прикидывали, какая сумма из конверта пойдёт на растопку костра для тещи бабушки. Кто-то предложил выйти перекурить. Вышли и девочки, и мальчики — всем нужно было переварить услышанное. Они не были богатой семьёй, и всё это казалось верхом расточительности. Её старшенькая осталась сидеть, нервно выискивая информацию в интернете: она, как и прочие, только сейчас узнала о последней воле усопшей.

Брат, тщательно подбирая слова, проговорил:

— Нам ещё поминки делать и через год памятник ставить.

Агния положила перед ним конверт с деньгами и маминой запиской. Он читал, вчитываясь, не веря в происходящее. Супруга брата начала елозить на стуле ещё сильнее; выдернув из его рук записку и соорудив гримасу, она фыркнула. Никто не потянулся к конверту, чтобы пересчитать купюры. Да и Агния об этом не беспокоилась, так как отложила тридцать процентов от суммы на памятник, годовые поминки, клининг квартиры и другие непредвиденные расходы. За финансовую сторону она уже не переживала.

Как только траурный кружочек со свечой оказался в сторис с надписью «ушла мама», полетели соболезнования с переводами со всей страны. Мама была хорошей гадалкой и поддерживала связь со многими подопечными — так она их называла. Со многими осталась дружна и поддерживала «кофейным реализмом» уже их детей и внуков. А сколько трепетных слов было сказано посторонними людьми дорогой Надежде Григорьевне — хватило бы на короткометражку.

Молодёжь вернулась с перекура.

— Я прекрасно понимаю ваши чувства и сомнения. Поверьте, меня это шокировало не меньше вашего, но это последняя воля. Саша, ты со мной согласен?

Саша не был согласен.

— Дебилизм! — процедила Дианка. — Я так понимаю, здесь уже всё без нас решили, так что какой смысл было собираться?

— Это мамино решение, — спокойно ответила Агния.

—

Она была больной! — яростно шипела в ответ невестка. — Де-мен-ци-я. Ты же умная женщина. Подумай своей головкой, тебе это ни о чём не говорит?

—

Агния еле сдерживалась, чтобы не наорать на эту чванливую суку, но вслух только произнесла:

— Конечно, я подумала, и мне это говорит об одном... — Она выдержала театральную паузу, а потом отчеканила: — У нас с братом будет по бриллианту.

Невестка, злобно поджав губы, в который раз изрыгнула «дебилизм» и ломанулась к выходу, с остервенением хлопнув дверью. От удара стены вздрогнули, и гулкий звук отозвался в подъезде. Вслед за ней и все остальные засобирались по домам — нужно было как-то сжиться с полученной информацией.

Хозяйка пошла провожать гостей. И тут она заметила, что от удара двери простыня сползла с зеркала, обнажив сияющую поверхность. Этот факт её практически загипнотизировал и выбил из реальности. Вот она видит, как проходит племянник, как он обувается, а рядом стоит его жена — Машенька. В следующее мгновение энергетический сгусток выплёвывается из зеркальной глади и повисает на Машеньке невидимым грязным ошмётком. Было ощущение, что на её внешность наложили дополнительный фильтр с чужеродной энергией. Машенька

поворачивается прощаться, но это уже не она. Вернее, она, но лет на тридцать старше: вся морщинистая, с землистым цветом лица.

Агния стояла в трансе, не понимая, что происходит. Как такое может привидеться? Но в следующее мгновение всё встало на свои места. Родственники разъехались. Морок отступил, и следующее, что сделала Агния — набрала номер участкового:

— Юрий, здравствуйте. Помогите найти человека... Родион Александрович Молчанов, 1988 года рождения...

ГЛАВА №5

ОТПЕВАНИЕ

На третий день после смерти в местной церквушке было назначено отпевание, или, говоря языком церковных книг, чин погребения мирян.

К великому облегчению Агнии, маму не вскрывали — всё обошлось, как та и хотела. Батюшка отнёсся к кремации старушки с пониманием, заметив, что Отцу нашему Небесному без разницы, из чего восстанавливать тела — из праха земного или сожжённого. Единственное, он уточнил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.